

Ф. И. ШАЛЯПИН

**<«...Не время судить власть за то,
что она и растерянная, и усталая...»>**

Социалистический Совет рабочих депутатов, опиравшийся на деморализованных солдат и на обозленные рабочие массы, держал в плену Временное правительство и недоверчиво контролировал каждую его меру. К людям сколько-нибудь умеренным Совет относился с крайней подозрительностью — даже к «заложнику революции» в правительстве А. Ф. Керенскому. Двоевластие питало и усиливало анархию.

Разгул революционных страстей вызвал в культурной интеллигенции Петербурга основательное опасение за целостность памятников, имеющих историческое значение или художественную ценность. Образовался Комитет по охране памятников искусства¹. Между прочими в этот Комитет вступил и я. В качестве члена этого Комитета мне пришлось лично столкнуться с тогдашними настроениями и порядками.

Предстояли похороны жертв революции. Совет рабочих депутатов решил хоронить убитых революционеров на площади Зимнего дворца. Под самыми, так сказать, окнами резиденции — в укор императорам! Это было бессмысленно уже просто потому, что никаких императоров в Зимнем дворце уже не было. Некоторые из наших комитетчиков предложили протестовать против вандализма Совета рабочих депутатов. Горькому и мне пришлось по этому делу ходить по властям.

Мы отправились, прежде всего, к председателю Совета рабочих депутатов, грузинскому социал-демократу Чхеидзе, недавно так трагически закончившего свои дни в Париже. Мы изложили Чхеидзе наши соображения, но этот горячий кавказский человек и «слышать не захотел» наших доводов. Жертвы революции должны быть по-

хоронены под окнами тиранов!.. Мы отправились к Керенскому, бывшему в то время министром юстиции. Мы просили министра властью своей воспрепятствовать загромождению площади Зимнего дворца. Нехорошо устраивать кладбище у дворца, который ведь может пригодиться народу. Керенский с нами согласился, и благодаря Временному правительству решение Совета было отменено. Площадь Зимнего дворца удалось отстоять.

Эти мои хождения по властям сильно меня просветили насчет положения дел и встревожили. Во время визита к Чхеидзе я столкнулся с политическим фанатизмом, обещавшим мало хорошего. А между тем Чхеидзе представлял собой только центральное крыло Совета. Какой же фанатизм должен процветать на его левых скамьях! А визит к Керенскому показал мне, в каких абсурдно ненормальных условиях новой власти приходится работать. Я увидел, как эти люди, облеченные властью, устают — в самом обыкновенном физическом смысле этого слова. Устают и не имеют, вероятно, возможности ни спать, ни есть. По длинным коридорам Министерства юстиции взад и вперед с бумагами носился А. Ф. Керенский, забегая в разные комнаты. Он был так озабочен, что на все, что попадалось в коридорах, смотрел недоумевающими глазами, в том числе и на меня с Горьким (я узнал потом, что Керенский весьма близорук). А за министром, еще более озабоченный, носился по пятам человек высокого роста и худой, держа в руках бутылку с молоком. Он, по-видимому, бежал за министром с тем, чтобы не пропустить удобной минуты дать ему выпить хоть немного молока... Нас пригласили в кабинет, куда через некоторое время вошла усталая власть. Власть заняла председательское место за столом, а кормилица села сбоку... Помню, как меня помимо бутылки с молоком поразила крайняя нервность и издерганность людей, пытавшихся в это критическое время управлять Россией. Из различных реплик, присутствовавших в кабинете правителей, я понял, что власть даже в своей собственной среде как-то в разладе, не сцеплена, не спаяна. Я подумал с огорчением, как такой власти и в таких условиях работать, править и держаться крепко?.. Однако я все же понимал, что не время судить власть за то, что она и растерянная, и усталая, и не сцепленная. Тому было слишком много серьезных объяснений...

